

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Г.П. Лунарев,

проректор Академии экономики и права, доктор юридических наук

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ МАРСИЛИЯ ПАДУАНСКОГО

Марсилий Падуанский как политический мыслитель известен прежде всего своим трактатом «Defensor pacis» («Защитник мира»), который появился на свет летом 1324 года. Поначалу рукописные экземпляры этого произведения тайно распространялись среди магистров и студентов Парижского университета, в котором преподавал и сам автор¹. Вскоре друг и единомышленник Марсилия Жан де Жанден (Жандунский) перевел «Защитника мира» с латинского языка на повседневный французский². Но когда с трактатом познакомились в курии, автора и переводчика вызвали в резиденцию понтифика Иоанна XII. Понимая опасность своего положения, друзья вынуждены были бежать в Мюнхен, к тамошнему королю Людовику IV Баварскому, уже ряд лет конфликтовавшему с главой католической церкви из-за своего нежелания отказаться от престола главы Священной римской империи. 23 октября 1327 года курия официально провозгласила смертный приговор еретикам.

Замысел и теоретико-методологические основы трактата

Стержневой линией трактата, глубоко встревожившего католическую верхушку, является аргументированное опровержение властных амбиций папства как главной и

¹ Марсилий Падуанский преподавал на общеобразовательном факультете Парижского университета, который тогда называли «артистическим» или факультетом «свободных искусств» (от латин. – artes liberalia). В ряде учебников «История политических и правовых учений», а также в некоторых научных работах сообщается, что в 1312 году Марсилий был ректором названного университета. Это не совсем так. В начале XIV века Парижский университет возглавлялся канцлером, назначаемым епископом Парижа. На «старших» факультетах (богословском, юридическом и медицинском) преподаватели избирали декана. И только выборный руководитель «артистического» факультета тогда назывался ректором. Таким образом, об авторе «Defensor pacis» можно говорить лишь как о ректоре в Парижском университете, а еще точнее, как о главе его общеобразовательного факультета. Вместе с тем данный факт свидетельствует о наличии у Марсилия Падуанского достаточного преподавательского опыта и авторитета среди коллег.

² См.: Лей Г. Очерк истории средневекового материализма / Пер. с нем. М., 1962. С. 501-502.

особой причины социальных бедствий тогдашнего западноевропейского общества, в частности родной Марсилию Италии. По мнению автора, подобную причину не знали ни Аристотель, подробно описавший истоки социальных конфликтов, ни философы его эпохи, поскольку она возникла значительно позже и почти случайно. Марсилиус доказывает, что официальная католическая доктрина о политическом верховенстве епископа римского «совершенно пагубна для рода человеческого, и угрожает нанести непоправимый урон любому сообществу или его части, если мы не положим ей нец¹». Развенчивая притязания пап на верховную власть, автор трактата противопоставляет церкви сильное государство, считая его объединяющим началом в социальной жизни.

Надо отметить, что в XIV веке еще не существовало синкретического понятия государства как особой и единой политической организации общества. Поэтому в своем исследовании государственных вопросов Марсилиус опирается преимущественно на соответствующие категории античных философов. Известно, что Платон, Аристотель и другие древнегреческие мыслители использовали понятие «полис», трактуя его преимущественно как город-государство, поскольку в античной Греции не было общей политической организации в масштабе всей страны. В изначальной латинской версии трактата часто встречается еще и термин «*civitas*», толкуемый Марсилием Падуанским отчасти в смысле древнегреческого города-государства, отчасти в значении современной ему итальянской коммуны. Такая же неопределенность наблюдается относительно верховной власти: ее носителем автор считает монарха (правителя), но с середины первой части произведения в качестве синонима верховной государственной власти он параллельно применяет термин «*principatus*» (принципат).

В рассуждениях о формах государственной власти Марсилиус, иногда употребляя термин «*republica*», в основном оперирует понятием «*regnum*» (королевство), видимо, более актуальным в условиях средневековья. Однако, выступая ярким сторонником императора Людовика Баварского, он, как ни странно, игнорирует имперскую форму государственности. Возможно, это связано с тем, что автор не хотел портить отношений с королевской властью Франции, не желавшей вхождения в состав Священной римской империи.

Последовательно рассматривая территориальное устройство и политическую организацию королевства, Марсилиус делает попытку обобщить различные признаки и свойства государственной власти. В итоге он вплотную подходит к толкованию термина «*regnum*» как политического сообщества в целом, став в этом отношении предшественником Никколо Макиавелли, которого считают творцом понятия «государство».

Что касается демократических идей трактата, направленных преимущественно против папского всевластия, то они во многом основаны на опыте Северной Италии, где политическая раздробленность страны способствовала появлению коммун — эффективной формы местного самоуправления отдельных городов и сельских общин. По мнению польского историка В. Зайдлера, истоки политической доктрины Марсилиуса следует искать еще и в «дилетантски-республиканских» устремлениях итальянских горожан, которые традиционно боролись против привилегий церкви и иммунитета клира, вызывавших перебои в хозяйственной жизни и мешавших нормальному функционированию коммунальной власти².

¹ Marsile De Padoue. Le Defenser de la paix / Traduction, Introduction et Commentaire par J.Quilet. P.: Librairie philosophique j. Vrin, 1968. P. 52.

² См.: Zeidler W. Mýcl Polityczna Średniowieczna. Krakow, 1961. S. 347

Радикальность и конструктивность воззрений мыслителя во многом определяются широтой его взглядов, хорошим знанием античной философской и политической литературы. Работы Аристотеля, Цицерона, Кассиодора, Саллюстия составляют прочную теоретическую основу размышлений Марсилия. При этом он, подобно передовой профессуре того времени, выступает номиналистом и последовательным аверроистом – сторонником концепции «двойственной истины». Потому рационалистический анализ политических реалий сочетается в «Защитнике мира» со стремлением автора втиснуть свое исследование в прокрустово ложе христианского учения. Отсюда частое и многословное цитирование «отцов церкви» и «ученых христианской веры». Правда, ссылки на богословов нередко носят вспомогательный характер, и в этих случаях призваны, как признается автор, избежать обвинений «в дерзкой манере» его труда. Тем не менее, двурядность источников вкупе с дуализмом религиозного мировоззрения самого Марсилия предопределили основной недостаток методологии трактата – лавирование мысли исследователя между античным рационализмом и христианским догматизмом в его францисканском толковании. Влияние идеологии монашеского ордена святого Франциска на политическую и научную позицию Марсилия Падуанского особенно заметно в тех главах трактата, где речь идет о необходимости возвращения церкви к принципам раннего христианства. Да и своей эмоциональностью, резкостью суждений трактат тоже очень напоминает устные и письменные филиппики миноритов – нищенствующего направления францисканства, страстно проповедовавшего христову бедность и аскетизм.

Современному читателю «Защитника мира», несомненно, заметна и схоластическая подача материала – выделение в главах параграфов, объяснения роли каждого очередного вопроса темы, приемов его раскрытия, стремление обосновать свои выводы строго логическим путем, а также краткие подведения итогов даже промежуточных рассуждений автора. Подобные особенности, характерные для большинства научных работ европейского средневековья, предопределили тяжеловесность авторского стиля Марсилия Падуанского, повторы ряда тезисов и аргументов, несколько затрудняющих восприятие идей мыслителя. Однако указанные недостатки трактата никоим образом не могут заслонить остроту и смелость произведения, стилистические и технические погрешности которого во многом обусловлены сроком его написания – по некоторым данным, Марсилиус написал «Defensor pacis» всего за два месяца, что называется, на одном дыхании, в ответ на отлучение от церкви папой Иоанном XII короля Людовика IV, обнародованное 23 марта 1324 года. Хотя основные идеи и доводы доктрины, конечно, вызревали в голове автора не один год.

Государственно-правовые идеи «Defensor pacis»

Социально-политическим идеалом самого Марсилия Падуанского является «*communitas perfecta*» – совершенное и самодостаточное человеческое сообщество, основанное на разуме и опыте людей, стремящихся к благополучной жизни. Государственной формой подобного сообщества должна служить выборная монархия, позволяющая народу активно участвовать в политических процессах. Примечательно, что, говоря о взаимоотношениях правителя (монарха) с народом, автор трактата предпочитает называть людей не подданными, а гражданами, что само по себе подчеркивает их прерогативу в вопросе формирования верховной власти. Наследование престола Марсилиус считает недопустимым, ибо, считает он, потомки даже достойного короля часто портятся властью отца. А если они впитали его лучшие качества, благоразумны и добродетельны, то способны оказаться избранными на высокую должность. Мыслитель обстоятельно рассматривает психологические черты хорошего правителя – добродетель (моральную доброту) и справедливость. Указанные качества верховного

властителя предопределяют продуктивную деятельность последнего, его роль в организации правильного функционирования политического сообщества. Так, если закон очень строг в своей универсальности или недостаточен для отдельного случая, доброжелательная интерпретация его требований или смягчение наказания являются необходимыми условиями справедливого решения. Что касается добродетели, то, по мысли Марсилия, ее практическое воплощение заключается в особой любви и доброжелательности правителя к политическому сообществу и гражданам. Деяния правителя обязаны с заботой и добротой направляться на всеобщее благо и благо каждого.

Кроме того, правитель, которому народ доверил власть, в своей деятельности непременно должен опираться на законы. «Тот, кто получил власть с помощью выборов, – пишет Марсилиий, – должен согласовывать свои действия с волей законодателя, ибо он лишь по поручению последнего правомочен что-то одобрять, отвергать или назначать»¹. Для мыслителя неприемлемо, чтобы государь, каким бы усердным и справедливым он ни был, правил произвольно.

К вопросу справедливости и законности в деятельности правящей части государства Марсилиий возвращается не раз. Например, подчеркивая значение адекватного воздаяния каждому индивиду, он указывает, что законная власть должна править справедливо и честно, не допуская противоположного как на словах, так и на деле, вознаграждая заслуги тех, кто соблюдает ее законные распоряжения, и наказывая тех, кто их нарушает. Тем самым правитель сохранит в надлежащем состоянии каждую часть государства и в итоге уберезет его от вреда и несправедливости.

Рассуждая о законах, автор трактата изначально подразделяет их на божьи и человеческие. Принципиально отказавшись рассматривать существо божьих законов, основное внимание он уделяет законам земным, регулирующим общественное бытие людей. Свое толкование закона Марсилиий излагает в следующем определении: «Под законом понимаются правила справедливого и полезного в государстве, выражением которых являются традиции, обычаи, всенародные постановления и любые подобные правила обязательного характера, установленные властью»¹.

Обязательность правовых норм для всех и наличие вооруженной силы, способной обеспечить принудительное исполнение их каждым гражданином, – эти признаки закона для Марсилия неоспоримы. Без возможности принуждения властные предписания, подчеркивает он, будут напрасны, а их исполнение не станет обязательным. Автор «*Defensor pacis*» соглашается с Аристотелем, что военная сила правителя сама должна быть определена законом. Ей следует быть достаточно большой, чтобы превзойти силу отдельного человека или группы людей, но не настолько большой, чтобы превзойти силу всех граждан или их большей части во избежание того, чтобы правитель не мог нарушать закон или чтобы он не мог править как деспот, без законов и произвольно.

Новизна и прогрессивность государственно-правовых представлений Марсилия Падуанского особенно наглядно проявились в его предложениях по совершенствованию законодательного процесса. Более того, в условиях феодализма предлагаемые им новации выглядели не просто необычными, но и отчаянно дерзкими. В своем трактате автор страстно спорит с заочными оппонентами, не признающими целесообразности привлечения к законотворчеству массы граждан, поскольку, дескать, многие представители народа невежественны и озлоблены. Опровергая подобный довод, Марсилиий главный упор делает на то, что законы касаются интересов всех граждан. Поэтому даже малообразованные люди, не способные творить закон, все-таки своим житейским разумом вполне способны сознавать его смысл и значение. Один

¹ Marsile De Padoue. Le Defenser de la paix. P. 116

человек, считает мыслитель, принимающий во внимание больше собственные интересы, чем общие, особенно движимый невежеством, озлобленностью или обеими этими причинами, неминуемо будет создавать плохие, а значит, тиранические законы. По таким же соображениям право создавать закон не может принадлежать кучке людей – как и в предыдущем случае, они тоже будут злоупотреблять им, создавая его не в общих интересах, а в интересах меньшинства (небольшой группы индивидуумов), что встречается в олигархических правлениях. Потому, чтобы получить противоположный результат, это право должно принадлежать всем гражданам или их преобладающей части. Тогда они станут соотносить свои интересы с задачами закона, и чтобы не навредить себе умышленно и не терпеть несправедливость, все они или их большинство захотят иметь закон, который отвечал бы общим интересам. Выражением подобных представлений о роли массы граждан в создании законов явился сотворенный Марсилием специальный термин «*fidelis legislator humanus*» (правоверный человеческий законодатель).

Наилучшей формой человеческого законотворческого процесса Марсилиус Падуанский считает такой порядок, при котором общая масса граждан, выступая в конечном счете законодателем, доверяет своим самым благоразумным и опытным представителям право разработки будущих законов и сводов правил. Но как только законопроект будет создан и тщательно рассмотрен самими разработчиками, он должен быть представлен народу на одобрение или отклонение. Если кому-то покажется необходимым в нем что-то изменить или дополнить, каждый гражданин может об этом заявить. Тогда, по мнению мыслителя, менее образованные граждане, непосредственно не создавая закон, всегда могут предложить в него поправку, которая сделает закон более удачным.

Созданные через прослушивание и одобрение всей массы населения законы будут лучше соблюдаться, и никто не сможет их отвергать. Кроме того, широкое общественное участие в законотворчестве является гарантией справедливости законов. Если люди, указывает Марсилиус, объединились в политические сообщества для достижения выгоды и достатка, а также во избежание обратного, то законы должны служить именно этой цели. Справедливые законы содействуют ей, а при господстве несправедливых возникают ограничение прав граждан, невыносимое угнетение и нищета, что в итоге ведет к развалу политического сообщества.

Примечательно, что по Марсилиусу масса граждан не просто выступает законодателем, но и является источником политической власти. Поэтому она в ряде случаев правомочна с соблюдением определенных процедур отстранять правителя от должности. Для средневековья с его иерархической структурой власти, культом сословных привилегий и господством грубой силы вопрос о правовой ответственности верховного правителя и возможности привлечения его к суду стал поистине революционным. Однако автор «Защитника мира» такую проблему не только поднял, но и теоретически обосновал. Правитель, писал Марсилиус, в своей деятельности должен неукоснительно придерживаться закона и не выходить за пределы дарованных ему полномочий, являться образцом и мерой любых общественных дел. Но поскольку он все-таки является человеком, обладающим человеческими помыслами и страстями, толкающими его на ошибки и порочные деяния, ему случается совершать и что-то незаконное. В таком случае правитель должен быть предметом надзора со стороны того, кто, согласно закону, имеет право оценивать его поступки и воздействовать на него. Без надзора правитель может превратиться в деспота, угнетающего и обирающего граждан.

Предъявление правителю обвинений в нарушении закона или совершении недостойных поступков, вынесение приговора и его исполнение должны быть, по мнению Марсилия, доверены законодателю или нескольким людям, утвержденных

законодателем. Для предотвращения раскола или мятежа в обществе, вызванных сопротивлением правителя, нужно также на некоторое время приостановить выполнение его обязанностей, дабы соответствующие санкции применялись не к действующему правителю, а только к лицу, нарушившему закон¹.

При этом, добавляет Марсилиий, нужно учитывать все обстоятельства дела: допущенное правителем нарушение может быть тяжким или легким, оно может совершаться часто или редко, может быть определено в законе или нет. В случае, когда нарушение, допущенное правителем, является тяжким, например, направлено против народа или важной персоны, правитель должен быть непременно наказан. Иначе в обществе может разразиться скандал. Ненаказуемость правителя в таких случаях способна привести к народному восстанию и падению политического сообщества. Если нарушение правителя предусмотрено законом, он должен быть наказан по букве закона, а если не предусмотрено, то по усмотрению законодателя. Хотя лучше всего, когда любое преступление предусмотрено законом, писал Марсилиий. Но если же нарушение легкое и относится к числу редко совершаемых правителем, либо совершается часто, но в силу особых допустимых причин, тогда, скорее всего, следует игнорировать такое нарушение, чем наказывать правителя. Так как если правитель будет наказан за легкое, к тому же редко совершаемое нарушение, он все равно удостоится презрения народа, что лишь усилит и без того немалый ущерб обществу. Конечно, отмечал Марсилиий, граждане из-за подобного факта вряд ли пойдут на восстание, но уважение к правителю, готовность подчинения ему и закону они могут утратить.

Прообраз светского государства в «Defensor pacis»

Чтобы понять историческую подоплеку и глубинную суть взглядов Марсилиия Падуанского на взаимоотношения государства и католической церкви, надо изначально обратить внимание на один парадокс в его творческой позиции. Трактат писался во Франции, где с начала XIV века велась яростная борьба местного короля Филиппа IV Красивого сначала с папой Бонифацием VIII, затем с папой Иоанном XXII. Одолев Бонифация вооруженным путем, Филипп в 1309 году принудительно передислоцировал центр католицизма из Рима во французский город Авиньон, где папство, отгрызаясь и при возможности переходя в политические контратаки, находилось около 70 лет. Официальные королевские легисты, в том числе канцлеры Пьер Флотта и Гильом Ногарэ, постарались обосновать прерогативы своего монарха во взаимоотношениях с папством. Более того, соперничество пап и французского короля за лидерство в обществе дало мощный толчок политико-правовой публицистике во Франции. Среди авторов многочисленных трактатов, отстаивавших независимость и верховенство государя во взаимоотношениях с церковью, особенно выделялись провинциальный адвокат Пьер Дюбуа, ставший впоследствии депутатом сословного парламента – Генеральных штатов, и монах-доминиканец, преподаватель университета Иоанн Парижский².

Казалось бы, именно отмеченные события и обосновывающие их соображения французских юристов и публицистов должны были дать Марсилию непосредственный повод и идеологическую основу для построения собственных теоретических конструкций. Но он обращает свое внимание преимущественно на германскую практику соотношения церкви и феодального государства, посвящает свой трактат

¹ См.: Marsile De Padoue. Le Defenser de la paix. P. 116

² См.: Грабарь В.Э. Священная римская империя в представлениях публицистов XIV века / Средние века. Вып. 1. М.-Л., 1942. С. 79-86.

Людовику IV Баварскому, определив именно его, а не Филиппа Красивого «защитником мира».

Разгадка указанного парадокса, на наш взгляд, состоит в том, что Филипп строил национальную монархию, отстаивал в борьбе с папством сугубо французские государственные интересы, тогда как Людовик, желая выйти за пределы Германии, провозгласил себя главой Священной римской империи, потенциально охватывающей основную часть Европы. Для Марсилия, родившегося и выросшего в итальянском городе Падуа, не забывающего страданий своей раздробленной родины, имперские устремления Людовика давали надежду на объединение Италии и принесение мира ее народу. Кроме того, передовые европейские умы того времени считали, что надежно и навсегда одолеть папство с его «католическими» (всемирными) устремлениями способно только могучее светское государство, подчиняющее себе многие народы и территории. В самом начале XIV века великий радатель единства Италии – Данте Алигьери в трактате «Монархия» писал об этом напрямую¹. В «Защитнике мира» такой довод лишь подразумевается логикой авторских рассуждений. Но несколько лет спустя в менее известном произведении «De translatione imperii Romani» («О переносе Римской империи») Марсилий толкует имперскую власть как распространяющуюся на весь мир под главенством Рима². Русский историк Е.В. Тарле, касаясь значения такой идеи, отмечал ее необыкновенную живучесть. «Дело в том, – писал он, – что фикция Священной римской империи удовлетворяла одной из самых сильных потребностей более культурных слоев средневекового человечества – потребности в единстве³. Практического воплощения имперская идея не получила по причине появления и укрепления в Европе национальных государств.

Объективной экономико-политической причиной выдвижения Людовика IV Баварского на решающее место в борьбе с властными притязаниями папства явилось бурное развитие товарно-денежных отношений, вызвавшее отделение ремесел и торговли от сельского хозяйства. Такие процессы в XIII-XIV веках способствовали увеличению численности населения городов Северной Италии и Южной Германии, предопределили высокую социальную активность бюргерства, по рукам и ногам скованного церковными поборами и ограничениями. Среди различных союзников Людовика горожане, рассчитывавшие на императорские привилегии в торговле и ремёслах, были самыми решительными. Естественно, что политическая линия императора и обосновывающие ее идеи Марсилия Падуанского нашли в немецкой и отчасти итальянской бюргерской среде понимание и горячую поддержку. Зато среди французских горожан, уже зараженных идеей национальной государственности, идеологическая борьба папства и императора казалась делом не слишком актуальным. Они больше надеялись на покровительство своего короля.

В «Защитнике мира» Марсилий обстоятельно размышляет над соотношением компетенции папства и государства. Подобно Аристотелю он считает, что государство существует для упорядочения повседневной деятельности людей и обеспечения им возможности не просто жить, но жить хорошо. Для решения такой задачи в государственном организме существует семь частей, одной из которых является священническая.

¹ По мнению Данте, род человеческий оказывается в наилучшем состоянии тогда, когда управляется единым правителем. А для благоденствия мира необходима единственная власть, именуемая империей. См.: Данте Алигьери. Монархия / Пер. с итал. В.П. Зубова. Комментарии И.Н. Голенищева-Кутузова. М., 1999. С. 34-35.

² См.: Лернер И.Я. Политические идеи Марсилия Падуанского. Дис...канд. ист. наук. М. 1945. С. 128. Марсилий, конечно, не подразумевал лидерства папы римского. Господство Рима – это, в его представлении, скорее, столичный статус вечного города, или как минимум опора всемирной монархии на историческое наследие античного государства.

³ Тарле Е.В. История Италии в средних веках. СПб., 1906. С. 90

Автор оговаривается, что не все люди согласны с ее существованием. Сам же Марсилиий считает священническую часть полезной, но вспомогательной. Она призвана, прежде всего, содействовать другим государственным органам в борьбе с преступниками и иными нарушителями общественного спокойствия. Кроме того, по его наблюдениям, «у людей имеются и потребности, необходимые для жизни в потустороннем мире, в частности почитание Бога и поклонение ему, совершение благодарственных молебнов как за благодеяния уже полученные в этом мире, так и за те, которые они надеются получить в мире ином. Чтобы обучить людей богослужению и привести их в нужную область [т.е. в потусторонний мир. – Г.Л.], государство должно назначить священников¹.

Говоря о сущности и функциях государственной власти, Марсилиий в начале трактата охотно соглашается с аристотелевской трактовкой полиса как политического сообщества, естественно вырастающего из низших форм объединения людей – семьи и деревни. Но позже, когда речь заходит о библейском толковании государства, он вроде бы ничуть не сомневается и в его сверхъестественном происхождении, выраженном в библейском тезисе «Всякая душа да будет покорна властям высшим; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены». Правда, при развитии данного положения Марсилиий не приемлет прямой зависимости государственной власти от божества, а тем более от его служителей на Земле. По утверждению автора, в установлении конкретных видов правления и в утверждении властных персоналий бог «принимает отделенное участие». В большинстве случаев всевышний устанавливает государственное правление посредством человеческого разума, которому на этот счет дарована свобода.

Такая позиция автора, с одной стороны, есть признание божественного происхождения государственной власти, а с другой, – отрицание промежуточной роли священства в этом вопросе, дала ему возможность крушить малейшие предположения о правомерности политического господства над человеческим сообществом и первых апостолов, и современных епископов. Марсилиий категорически и многократно отвергает претензии любых священнослужителей, вплоть до папы римского, на управленческую и судебную функции в государственном механизме. Причем делает это обстоятельно, критически разбирая один за другим аргументы папства.

Во времена средневековья свои претензии на господство в Западной Европе понтифики чаще всего обосновывали так называемым «Константиновым даром». Якобы за наставление его «истиной вере» и исцеление от проказы византийский император Константин наградил папу Сильвестра I особой грамотой. В ней наследникам апостола Петра в Риме представлялись власть и почет, равные императорским, а также главенство над всеми христианскими церквями. Кроме того, папа, согласно этой грамоте, получил высшую власть над Римом, Италией и всей западной частью римской империи. Отдав власть в Западной Европе папству, Константин будто бы ограничил свое господство лишь Востоком. В XV веке фальшивость «Константинова дара» убедительно доказал историк-гуманист Лоренцо Валла². Однако Марсилиий Падуанский еще столетием ранее усомнился в подлинности такого «документа» и, назвав его в своем трактате подлогом, отверг как исторический аргумент папства.

Важным рычагом влияния церковных иерархов на феодальных королей издавна является институт коронации претендентов на монарший трон. Коронуя монархов и применяя в этой церемонии таинство «миропомазания», церковь тем самым не только наделяет правителей легитимностью, но и, что более существенно, обосновывает

¹ Marsile De Padoue. Le Defenser de la paix. P. 68

² Валла Л. Рассуждения о подложности так называемой грамоты Константина / Пер. И.А. Перельмутера / Итальянские гуманисты XV века о церкви и религии. М., 1963. С. 139-216

божественное происхождение властных полномочий каждого нового обладателя трона. В свою очередь, принимая от представителей церкви знаки высшей власти, монархи как бы признают верховенство и приоритет «наместников бога на земле». В «Защитнике мира» не остается без внимания и этот аспект взаимоотношений церкви и государства. Опираясь на незыблемый для него тезис о народе как первоисточнике государственной власти, Марсилий приходит к выводу, что все должности, учрежденные выборным путем, получают свою властную силу именно от массы граждан. «При этом, – убежденно заявляет он, – не имеют значения церемонии и торжества, поскольку их наличие и отсутствие не влияют на содержание законов и на полномочия избранных законодателем должностных лиц»¹. По существу автор трактата отвергает необходимость религиозного оформления государственной власти и рассуждает в этом вопросе подобно сугубому материалисту².

Автор «Защитника мира» признает религиозное деление окружающего мира на земной и на потусторонний. Но утверждения своих идейных противников о превосходстве всего духовного над мирским и земным он отвергает, поскольку именно такие послышки папство использует для обоснования претензий на политическое господство в обществе. По твердому убеждению мыслителя, основанному на анализе библейских текстов и произведений ряда известных богословов, Иисус пришел в этот мир не для того, чтобы установить над плотью мирское господство и принудительный суд, а чтобы построить в будущем духовное или небесное царство. Только о нем, утверждает Марсилий, Христос говорил, и его всегда проповедовал. Особое значение для автора «Защитника мира» имеет пример практических действий Иисуса Христа, который, по рассказам евангелистов, в своей земной жизни находился в положении раба, покорно платил подати и даже позволил государственной власти судить и казнить себя. По логическому заключению Марсилия, если Христос является царем только небесным, то и его последователи, взявшие на себя миссию распространения христианского учения, тоже не могут быть земными властителями. Ни Иисус, ни один из его апостолов никогда и нигде не утверждали никого из своих последователей судьей или наместником, чтобы практиковать властное правление и суд. Если бы они, доказывает автор трактата, полагали, что такая прерогатива возложена на них, или если бы они хотели, чтобы она принадлежала епископам или священникам, тогда они дали бы заповедь или совет касательно этого. Наоборот, подчеркивает Марсилий, Иисус отделил обязанности священников или епископов от обязанностей правителя.

Подобный вывод мыслителя, основанный на уяснении разного социального предназначения государства и церкви, имеет огромное значение для обоснования различного политико-правового статуса сторон в период Реформации и буржуазных революций.

Для Марсилия «ecclesia» (церковь) как субъект взаимоотношений с государством – это «масса верующих во Христа, взывающая к его имени». Он не приемлет сложившейся традиции католических священников, в том числе епископов, представлять себя церковью или даже говорить от ее имени. В понимании автора «Defensor pacis» священнослужители – лишь часть сообщества верующих, в обыденной жизни являющихся гражданами государства. С такой, можно сказать, социологической точки зрения церковные служители не только не вправе вершить принудительный суд над нарушителями законов как божьих, так и человеческих, но и сами являются объектом государственного правосудия. Больше того, коль священнослужители

¹ Marsile De Padoue. Le Defenser de la paix. P. 112.

² В данной позиции Марсилия Падуанского можно увидеть подтверждение вывода К. Маркса и Ф. Энгельса, что номинализм «вообще является первым выражением материализма». См.: Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики / Соч. Т. 2. Изд. 2-е., М., 1955. С. 142

призваны распространять христианское вероучение, воспитывать верующих в добрых нравах, они, считает мыслитель, должны нести более строгое наказание за свои мирские преступления по сравнению с рядовыми гражданами.

По Марсилию священники любого ранга всегда и во всем обязаны подчиняться государству, даже испытывая несправедливость и притеснения с его стороны. Для них – последователей смиренного в земной жизни Христа – невозможны малейшие проявления политического протеста, не говоря уже о каком-либо сопротивлении государственной власти. Настаивая на этом, Марсилиус дважды приводит цитату из произведения «К народу» одного из первых христианских богословов – Амвросия Медиоланского, который еще в IV веке писал: «Я могу страдать, плакать, стонать от оружия и солдат, и мои слезы будут моим оружием; таковы на деле способы защиты священников; но я не должен и не могу оказывать сопротивление по-другому».

Сужая функции священнослужителей до вопросов непосредственного отправления религиозного культа и нравственного воспитания прихожан, Марсилиус неоднократно сравнивает священника с врачом, который только лечит больного, но не может применять к нему принудительных мер для изоляции даже в случае заразного заболевания. Поэтому и борьбу с «ересью» автор передает в компетенцию государства. Причем в толковании Марсилиуса «ересь» предстает понятием абстрактным, имеющим значение лишь для будущей оценки Иисусом Христом в загробном мире прегрешений верующего. Однако использование в своем трактате такого распространенного в церковной среде термина дало мыслителю возможность, не выходя за пределы массовых стереотипов своего времени, подвести читателя к восприятию идей далекого будущего. Подобный вывод неизбежно вытекает из взглядов Марсилиуса на соотношение закона и «ереси». Автор «Защитника мира», в частности, считает, что если человеческий закон не запрещает еретика или неверующему пребывать в конкретной стране, как это было у древних евреев или как имело место у некоторых других народов уже в эпоху христианства, тогда вообще никому нельзя судить еретика или неверующего, наказывать или карать его в настоящей жизни за убеждения.

Утверждая подобное, Марсилиус не только создал теоретический посыл против инквизиции, но фактически ратовал за свободу мировоззренческих убеждений личности, что в условиях средневекового идеологического тоталитаризма католической церкви было делом неслыханным. А его представление об обусловленности религиозной терпимости и инакомыслия законом, несомненно, является еще одним важным вкладом в разработку концепции светского государства.

Разделение компетенции церкви и государства, составляющее важнейший признак светского характера последнего, порой наталкивается на сложную и острую проблему широкого влияния религии на умы населения. Как обеспечить независимость государственных чиновников от церкви, когда они сами являются верующими? Отвечая на этот не озвученный вопрос, Марсилиус отдает государственные функции в руки «малозначащих в церкви людей», т.е. не исполняющих каких бы то ни было культовых функций в храме. При рассуждении от обратного подобный тезис снова подводит читателя трактата к мысли о невозможности отправления государственной власти священниками.

Аристотель, идеи которого Марсилиус Падуанский воспринимает практически абсолютно, считал, что верховная власть обязана целенаправленно регулировать деятельность и размеры всех частей государства, дабы неконтролируемое увеличение любой из них не сказалось на нормальном функционировании государственного организма. В «Защитнике мира» это теоретическое положение легло в основу вывода о необходимости ограничения численности священников, чтобы они не могли оказать

сопротивление правителю или породить смуту в политическом обществе, «или же еще из-за их наглости или лени лишить город или королевство выгод от нужных дел».

Главным средством политического обуздания священства и ограничения его роли рамками непосредственного отправления религиозного культа, по мнению Марсилия, может стать передача власти внутри церкви в руки рядовых верующих. Иначе говоря, автор «*Defensor pacis*» впервые предлагает распространить идею и принципы народовластия на внутрицерковные отношения, что явилось беспрецедентным событием в истории человеческой мысли. По его замыслу, объединившись на местных соборах, верующие должны выбирать своих представителей на Вселенский собор католической церкви, предназначенный для решения важнейших вопросов церковной жизни, в том числе для избрания папы как формального главы христианского сообщества. Тогда, согласно спроектированной Марсилием новой модели церковной организации, римский епископ, лишенный властных полномочий, сосредоточит свое внимание исключительно на вероисповедных проблемах. В вопросах католической догматики мыслитель решающее слово отвел не папе, а богословам и профессорам университетов, прежде всего Парижского, как объективным и политически непредвзятым знатокам христианского вероучения.

В результате подобной демократической реорганизации церкви последняя, по замыслу Марсилия, превратится в органичную часть государственного механизма, в котором, тем не менее, будут преобладать и лидировать светские элементы. Такое понимание места церкви в политическом сообществе, конечно, не отвечает современному принципу отделенности религиозных организаций от государства как политико-правовому средству обеспечения светского характера последнего. Однако в условиях западноевропейского средневековья, когда папство стремилось поставить церковь выше любого государства и тем самым подчинить его себе, подобные воззрения Марсилия, построенные на идее народного верховенства, были огромным интеллектуальным прорывом в будущее.

Историческое значение и оценки «Защитника мира»

С момента своего выхода к читателю трактат Марсилия Падуанского не оставался без внимания мыслящей части тогдашнего западноевропейского общества. Отношение современников к этому произведению и его автору варьировалось от ненависти и проклятий до восторженного одобрения. В Авиньоне после знакомства с произведением мятежного парижского профессора для идеологической оценки основных положений «Защитника мира» сразу была создана комиссия кардиналов и богословов. Пять из них в октябрьской 1327 года булле папы Иоанна XII определялись в качестве особо злостных и нетерпимых. Но и после этого папа не раз с негодованием отзывался о трактате, тем более что по распоряжению Людовика IV Баварского в конце 1329 года в Мюнхене были проведены публичные дебаты по вопросу взаимоотношений папы и императора. В отражающих эти дебаты церковно-политических памфлетах эхо мыслей Марсилия прозвучало на всю Западную Европу¹. После публикации памфлетов курия повела активную полемику с «*Defensor pacis*», пытаясь скомпрометировать не только идеи трактата, но и его автора. Однако это только усилило общественный интерес к произведению.

Идеи Марсилия Падуанского имели большое значение для уточнения политической линии Людовика Баварского и его пропагандистской деятельности. Доказательством тому служит не только текстуальное совпадение ряда формулировок

¹ См.: Marsius von Padua. Der Verteidiger des Friedens (*Defensor pacis*) / Auf Grund der Uebersetzung von Kunzmann bearbeitet und eingeleitet von Horst Kusch. Vorwort. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1958. S. IX.

«Defensor pacis» с положениями так называемого «Нюрнбергского манифеста» тора¹. В соответствии с тезисами Марсилия Людовик мирскими руками и при широком участии населения Рима 7 января 1328 года короновался императором. А десятью годами позже под влиянием идеи Марсилия Падуанского о необязательности церковной коронации монарха немецкие курфюрсты постановили, что свободно избранный император не нуждается в папском утверждении. Тем самым они юридически освободили империю от диктата папства. Вскоре в Англии король Эдуард III запретил обнародовать папские буллы, если они причиняют ущерб королевским правам или народному благу².

Не удивительно, что автор «Defensor pacis» вызывал ярую неприязнь не только у папы Иоанна XII, но и у последующих римских понтификов. Папа Бенедикт XII, в частности, подтвердил официальное осуждение католической церковью Марсилия и его взглядов, а Климент VI заявлял, что худшего еретика он не читал. Даже в 1375 году папа Григорий XI упрекал делегацию богословского факультета Парижского университета в поддержке осужденных идей уже покойного Марсилия Падуанского.

Наглядным доказательством широкого общественного интереса к «Defensor pacis» является многократное тиражирование этого произведения и его переводы на основные европейские языки. К середине XX века в библиотеках и книгохранилищах Европы и Америки было обнаружено более 30 рукописных экземпляров трактата Марсилия, переписанных в основном в XIV и XV столетиях. Такое число сохранившихся рукописей свидетельствует о распространенности трактата в указанное время. Тогда его читали преимущественно на латинском и отчасти французском языках. Но уже в 1363 году был осуществлен перевод трактата на третий язык – итальянский. Потому «венетская рукопись» трактата является одной из старейших среди всех известных.

Внимание к произведению многократно возросло с началом Реформации. В 1522 году впервые появилось печатное латиноязычное издание «Defensor pacis». В 1533-1535 годах «Защитник мира» был издан в английском переводе, а в 1545 году его растиражировали уже на немецком языке. Не ослабевал интерес к труду Марсилия Падуанского и в XVII веке: с 1599 по 1692 годы из европейских типографий вышло не менее 7 новых изданий «Защитника мира»³. В ответ на это папство неизменно зачисляло каждое новое издание в «список запрещенных книг», а защитники ортодоксального католицизма (Альварий Пелагий и Конрад Мегенбергский в XIV веке, Альберто Пигио в XVI веке) отвечали покойному Марсилию своими полемическими трактатами.

Подобное отношение сторонников папства к «Защитнику мира» и его автору было вполне адекватным взрывной роли произведения, тем более что идеологическое и политическое значение трактата не ограничивалось противоборством агрессивной политике католической церкви и стремлением навсегда отбить ее притязание господствовать над обществом, как представлял себе главную задачу «Защитника мира» сам Марсилиус и как ее толковали тогдашние проповедники сильной государственной власти, которые активно распространяли «Defensor pacis», и даже рекомендовали его для чтения европейским монархам. В этой работе потенциально таилась угроза всему феодальному строю, освященному церковью.

Уже в середине XIV века, как доказывает посвященный французскому королю Карлу V трактат Филиппа де Мезьера «Somnium Viridarii» («Сновидения фруктового сада»), доводы Марсилия Падуанского использовались вождями Жакерии и других

¹ См.: Енько А. Г. «Defensor pacis» Марсилия Падуанского и борьба империи против светских притязаний папства в начале XIV века // Вестник Московского университета. Серия IX. 1964, №2. С. 56.

² См.: Корелин М.С. Важнейшие моменты в истории средневекового папства. СПб., 1901. С. 118

³ См.: В. Банк. Молодые годы Марсилия Падуанского / Сборник статей в честь Дмитрия Фомича Кобеко. СПб., 1913. С. 145

революционных движений. Более того, самые пронизательные умы позднего средневековья, систематизируя идеи Марсилия, имели возможность разглядеть в них теоретические предпосылки тех грандиозных социальных потрясений, которые спустя некоторое время вылились в Реформацию и буржуазные революции. По утверждению историков западной философской мысли, идеи Марсилия Падуанского использовали такие церковно-политические фигуры как Теодор Ньем, Жан Герсон, Николай Кузанский, Франческо Царабелла, Ян Гус и другие мыслители того времени¹.

И хотя столпы протестантизма – Лютер, Цвингли, Кальвин – прямо не ссылались на Марсилия Падуанского, многие его тезисы и аргументы нашли отражение в их работах, обосновывавших «народную» или, точнее сказать, бюргерскую перестройку церкви. В частности, это касается неприятия светских полномочий папы римского, отказа признавать за ним непререкаемость в вопросах догматики и права назначать священников всех рангов. Но, выступая за разграничение функций церкви и государства, реформаторы ставили перед собой задачу возвышения Веры путем возвращения ее к принципам изначального христианства, тогда как для Марсилия Падуанского главной целью борьбы являлось укрепление сильной власти государства. Автор «Защитника мира», оставаясь католиком, в своем трактате предстал, прежде всего, убежденным государственным деятелем, для которого только светская власть является гарантом интересов и целостности общества, защитником повседневных интересов граждан. Возможно, именно такое расхождение в социальных приоритетах предопределило прохладное отношение Лютера и его сторонников к личности и трактату Марсилия, вылившееся в замалчивании имени и названия труда последнего. Тем более что великий падуанец был последователем рациональной философии Аристотеля, к которой Лютер не скрывал своей враждебности². Вместе с тем значение идей Марсилия Падуанского для христианства не отрицают современные церковные историки. По мнению К. Эрла, если бы взгляды Марсилия одержали победу в XIV веке, то католическая церковь трансформировалась бы в конституционную монархию во главе с папой римским, которого назначал собор, и абсолютное папство средневековой церкви исчезло бы еще тогда³.

В отличие от главных идеологов протестантизма, не желающих признавать вклада Марсилия в церковную реформацию, «Defensor pacis» высоко ценили европейские гуманисты и просветители. В XVII-XVIII веках этот трактат изучали философы и правоведы, специализировавшиеся на проблемах государственного и церковного права. Многие из них считали Марсилия Падуанского предвестником и идейным наставником Никколо Макиавелли. В частности, немецкий историк Демпф характеризовал мысли Марсилия как более глубокий и деликатный макиавеллизм по сравнению с макиавеллизмом самого Макиавелли⁴. С таким выводом согласен другой немецкий автор – Рицлер, который в середине XIX века отмечал, что «во времена государственной слабости, привилегированных сословий, феодализма, церковного владычества и преследования еретиков Марсилием поднялся до созерцания мирового порядка, осуществленного по прошествии столетия в церковной реформации, а позднее – и в политической револю-

¹ М.: Реале Дж. и Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т.2. Средневековье. СПб. 1995. С. 193.

² Лютер, например, негодовал, что в университетах «правит не столько Христос, сколько слепой языческий учитель», и советовал изъять из употребления все важнейшие сочинения Стагирита. (См.: Стам. Гуманизм и церковно-реформаторская идеология / Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981. С. 30). Стагиритом порой именовали Аристотеля за то, что он родился в греческой колонии Стагира во Фракии.

³ См.: Эрл Кернс. Дорогами христианства. М., 1992. С. 206.

⁴ См.: Marsius von Padua. Der Verteidiger des Friedens (Defensor pacis). Vorwort. S. IX

ции, частично осуществляемой и по сей день... Данте – пророк прошлого, Марсилиий – пророк нового мира¹.

Позже исследователи творчества Марсилия Падуанского смогли оценить и его значение в становлении более крупных достижений политико-правовой мысли человечества. Например, в «Защитнике мира» четкое разграничение компетенции законодателя и правителя, а также обоснование ответственности второго перед первым свидетельствуют о том, что Марсилиий задолго до Локка и Монтескье, считающихся отцами концепции разделения властей, теоретически подразделил государственную власть на две ветви. Недаром средневековый мыслитель называет законодателя первой действующей причиной государственной власти, тогда как второй ее причиной, которую, по его словам, можно назвать исполнительной или инструментальной, является правитель². К числу научных заслуг Марсилия Падуанского следует отнести и внедрение в сознание современников представлений о верховенстве светской власти в жизни общества, которое Жан Боден позже обозначит термином «суверенитет». Но если Боден, как ярый приверженец монархии, обосновывал суверенитет короля, то Марсилиий имел в виду верховенство народа. Тем самым, по словам американского исследователя Э. Баркера, Марсилиий, опираясь на положения и аргументы Аристотеля, в новых условиях и в новом оформлении вывел идею, предвосхищающую Ж.Ж. Руссо³.

Түйін

Мақалада ортағасырлық ойшыл ғалым Марсилиий Падуанскийдің «Әлемді қорғау» атты еңбегінде көрсетілген саяси – құқықтың көзқарастары талданады. Аталған еңбектің авторы католик шіркеуі басшыларының қоғамда саяси үстемдік жүргізу туралы қарсы пікірлеуді теріске шығарады. Оның айтуынша, ыдыраған орта ғасырлық Еуропада бейбітшілік орнату тек күшті мемлекеттік, яғни Людовик IV Баварский басқарған «Қасиетті Рим империясының» ғана қолымен келеді. Паналық ілім мен саясаттың қатал сынына ұшыраған Марсилиий мемлекет пен шіркеудің өзара қарым – қатынасын әлеуметтік қызмет және дін қызметкерлері өкілеттігін қысқарту арқылы қайта құру керектігін айтты. Оның пікірінше, шіркеудің дасты билікті сол жердегі дінге сенушілер саясатын жергілікті сабырларға беру керек. Дін қызметкерлері қатаң заңға бағынатын мемлекеттік билікке қамқорлық жасаулары тиіс. Осыған орай ел билеушілер билік туралы заңды шығару кезінде барлық азаматтардың қатысуына мүмкіндігін беретін заңтанудың жаңа құрылымын құрастыруы тиіс ойшылдың еңбектерін үлкен демонстрациялық табыс, оның заң шығарушы билік пен атқарушы билікті бірінен бірін бөлуге ұмтылысында еді. Марсилиийдің елді билеушіні белгілі бір мерзімге сайлау керектігін туралы ұсынысы ортағасыр жығдайында құлау естімеген жаңалық болатын.

Марсилиий Падуанскийдің осы көзқарастары сол кезде көптеген түсініктердің алдын алды және XVI – XVIII ғасырлардағы өмір сүрген кейінгі ағартушылар мен шіркеу реформаттарының зерттеулерінің алғы шарты болды.

Annotation

The political and legal views of Marcilia from Padua, Middle Age thinker, shown in his creation «World's defender» have been analyzed in the article. The author of this creation denies the claims of catholic authority for political mastery in society. He considers that only the strong state and «Priest Roman Empire» headed by the king Lyudovic IV Bavarian, first of all, can introduce peace into disunity Middle Age Europe. Subjecting papacy's teachings and policy to the criticism Marcilia suggests reformation of state and church relations by limiting social functions and powers of priests. The main role, to his opinion, must be given to the landed gentry who could be elected by local believers. Priests must become the handhold of state power acting under the law. Together with it the state power must built a new model of law-making allowing all citizens to participate in law creation. Large democratic

¹ Riezler S. Die literarischen Widersacher der Päpste zur Zeit Ludwigs des Baiern. Leipzig. 1874. S. 256-257.

² См.: Marsile De Padoue. Le Defenser de la paix. P. 133.

³ См.: Barker E. Political Thought of Plato and Aristotle. N.Y. 1959. P. 5m

potential of the thinker's creation is in his longing to separate legislative and executive branch. Marcilia suggests to elect the governor for a definite term of office that has been unbelievable for Middle Age. Such Marcilia's from Padua opinion determined at large that time and became the premises for teachings of the later educational and church reformers of the sixteenth-eighteenth centuries.